

Раскина Е. Ю.

Московский информационно-технологический университет –
Московский архитектурно-строительный институт (МИТУ-МАСИ), Российская Федерация

«ОРДЫНСКИЙ МИФ» В ТРАГЕДИИ Л. Н. ГУМИЛЁВА «СМЕРТЬ КНЯЗЯ ДЖАМУГИ»

Замысел «большой трагедии о Чингисхане» относится ко времени пребывания Л. Н. Гумилёва в Норильлаге (1941 г.). Трагедия в пяти актах называлась «Смерть князя Джамуги» и посвящалась противоборству древней степной вольности, олицетворяемой князем Джамугой (Джамухой), побратимом Чингисхана, и жесткой, безжалостной, тиранической властью, живым символом которой был Темучин (Чингисхан). Это поединок «последнего рыцаря Великой Степи» и тирана, диктатора. Намеки на сталинскую эпоху прочитывали в этом тексте практически все биографы Л. Н. Гумилёва (и С. Б. Лавров, и В. Н. Дёмин и другие).

Ключевые слова: драматургия Л. Н. Гумилёва, трагедия о Чингисхане, образно-символические ряды.

В «Смерти князя Джамуги» Л. Н. Гумилёв оригинально переосмыслил «ордынский миф», сложившийся в русской литературе первой половины XX столетия. Суть этого «ордынского мифа» заключалась в сближении (или даже отождествлении) кровавого ленинского и сталинского режима с новым ордынским игом, а большевиков – с Ордой.

Так, например, прекрасный русский поэт Серебряного века Н. А. Клюев писал в стихотворении «Наша русская правда загибла»: «Уж не выйдет на перёные крыльца / В куньей шубоньке Мелентьева Василиса, / Утопил лиходея-убийца / Сердце князево в чаре кумыса. / Заливай ордынским напитком, / Тверь-вдовица, кос-пепелище, / Твой Михайло в шуйце со свитком / Стал вороной гнусавой пищей» [8, с. 544]. В стихотворении Н. А. Клюева «Нерушимая стена» также присутствует тема нового ордынского нашествия: «То пресветлому князю Батый / Преподнес поганый кумыс, – / Полонянкой тверские хаты опустили ресницы вниз. / И, рыдая о милых близяках, / В заревой конопель и шёлк / Душу Руси на крыльях сизых / Журавлиный возносит полк» [8, с. 543].

Князь Михаил Ярославич Тверской, борющийся с князем Юрием Даниловичем Московским за великое княжение, принял мученическую смерть в Орде и впоследствии был причислен Русской Православной Церковью к лику святых. Его вдова, княгиня Анна Кашинская, упоминается в целом ряде стихотворений А. Ахматовой

и Н. А. Клюева, в частности, в стихотворении Ахматовой «Причитание» и в клюевской «Песни о Великой Матери». Так, в ахматовском «Причитании» святые уходят из обители, опираясь на клюки, когда грозным набатным голосом предупреждает их о наступивших страшных временах: «И уходят из обители, ризы древние отдав, / Чудотворцы и святители, / Опираясь на клюки. / Серафим в леса Саровские – / Стадо сельское пасти. / Анна – в Кашин, уж не княжители, / Лен колючий теревить» [1, с. 811].

В клюевской «Песни о великой матери» упомянута «Анна с кашинских икон – смиренное тверское поле»: «С ним Сорский Нил, с Печеньги Трифон, / Борис и Глеб, два борзых грифа. Зарезет утро от попон. / И Анна с кашинских икон – смиренное тверское поле» [1, с. 812]. Клюки (посохи) святителей упоминаются и в «Песни о великой матери» Клюева, только верующие окропляют эти посохи своими слезами: «С пути отведать хлеба-соли / Нас повели в дубовый терем... / Святая Русь, мы верим, верим! / И посохи слезами мочим...» [1, с. 812].

Факт угощения светлого князя «поганым кумысом» относится не к Михаилу Тверскому, а к другому князю – Даниилу Романовичу, Галицкому и Волынскому. Хан, в знак особого расположения, впустил Даниила Галицкого в шатер, причем, как указывает Н. М. Карамзин, «без всяких суеверных обрядов, ненавистных для православия наших князей» [7, с. 25]. «Ты долго не хотел

меня видеть, – сказал Батый, – но теперь загладил вину повинованием. Горестный князь пил кумыс, преклоняя колени и славя величие хана» [7, с. 25].

Лев Николаевич Гумилёв, напротив, с помощью «Смерти князя Джамуги» хотел показать, что Великая Степь – это не только Темучин (Чингисхан), но и древняя военная демократия, степное рыцарство (Джамуга). Насильственная смерть Джамуги, которому воины Чингисхана сломали хребет, трактовалась Львом Гумилёвым как гибель вольного степного начала, живущего и в русском народе. Следовательно, дело не в новом ордынском нашествии, не в том, что большевистская Орда покорила Русь, а в том, что русские, степняки по духу, убили в себе вольное степное начало и отдали себя во власть тирану. Аналогии «Сталин – Чингисхан (Темучин)» здесь напрашиваются сами собой.

Сразу хочу уточнить, что анализирую литературное творчество Л. Н. Гумилёва, а не его научное наследие. Соответственно, в этой статье рассматриваются идеи и концепции не Л. Н. Гумилёва – ученого, а Л. Н. Гумилёва – художника слова.

Моральный поединок вольного рыцаря Великой Степи и степного диктатора, обернувшийся физическим столкновением и завершившийся страшной смертью Джамуги, обозначен уже в следующем диалоге из трагедии Л. Н. Гумилёва «Смерть князя Джамуги»:

«Джамуга»

Теперь я правду знаю.
Закон степей нарушен! Говорю
Тебе – ты Князь, но ты не Царь – для вольных.

Темучин

Я их тебе хоть тридцать подарю,
Но покарать обязан своевольных.

Джамуга

Я твоего подарка не приму;
Ведь есть степное право и свобода.
Из нашей стéпи сделал ты тюрьму
Для каждого возвышенного рода.
Безродные стекаются к тебе.
Жиреют под твоими бунчуками,
Но ты погибнешь в яростной борьбе
С нойонами и вольными стрелками.
И первая не склонится глава
Моя перед тобой, мой брат любимый.
Я чту мои исконные права
И древний род мой, звёздами хранимый»
[4, с. 111].

Но кто же такой Джамуга – «последний рыцарь Великой Степи» – и почему в связи с этим образом

Лев Николаевич обращается к теме рыцарства (по плоти и духу), столь важной для его отца, великого русского поэта Серебряного века Н. С. Гумилёва? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Джамуга (Джамуха) был аньдой (побратимом) и другом детства Темуджина (Чингисхана). О его судьбе и деяниях рассказывает Сокровенное сказание монголов. В частности, Джамуга помог спасти из меркитского плена Борте, жену Темуджина. В трагедии Л. Н. Гумилёва Борте изображена как коварная и властная женщина, играющая судьбами влюбленных в нее мужчин. Она напоминает императрицу Феодору из трагедии Н. С. Гумилёва «Отравленная туника», а также «дневную», жестокую и властную Леру из драматической поэмы Н. С. Гумилёва «Гондла». При этом другая героиня трагедии «Смерть князя Джамуги», пленница Есугань, заставляет нас вспомнить о нежной и несчастной царевне Зое из «Отравленной туники» и грустной «девочке Лаик» из «Гондлы».

В 1201 г. многие монгольские племена (татары, меркиты, тайджиуты и др.) объединились вокруг Джамуги как вокруг защитника древней степной вольности. На курултае его избрали гурханом (это титул правителей Каракитайского ханства). Когда Джамуга принял этот титул, Темучин (Чингисхан) начал формировать племенной союз против своего бывшего аньды.

В 1203 г. объединенные силы Джамухи и правителя керейтов Ван-хана были разбиты Темучином. Через год Керейтское ханство пало, и Джамуга попытался найти поддержку у правителя найманов Таян-хана. Однако Темучин разгромил и найманов, после чего, в 1205 г., Джамугу выдали Темучину его же воины.

Темучин казнил нукеров, предавших Джамугу, а своему бывшему аньде предложил возобновить дружбу. Джамуга отказался, так как не желал служить новому степному диктатору. Тогда Темучин, в знак милости, разрешил Джамуге умереть без пролития крови (в крови, по верованиям монголов, находилась душа человека). Воины Темучина предали Джамугу лютой, но благородной смерти: они сломали последнему рыцарю Великой Степи хребет.

«В Норильске он работал над большой стихотворной трагедией о Чингисхане. Пятиактная пьеса называлась «Смерть князя Джамуги» и была посвящена ключевому событию в истории становления Монгольской державы и победе Темучина, ставшего Чингисханом, над своим главным соперником Джамугой, что трактовалось автором как торжество ханской диктатуры над степной вольностью и военной демократией (скрытый, но

недвусмысленный намек на укрепление сталинского режима):

Когда трещат дома в руках сибирской вьюги
И горы глыбами швыряют с высоты,
И рвутся у коней походные подпруги,
Джамуги смерть тогда припомни ты.
<...>

За промерзшими стенами барака – непроглядная тьма и завывания ветра, а внутри у чадающей коптилки или застающей печки – никому не известный и никем не признанный поэт бисерным почерком записывает монолог Чингиса о счастье в довольно-таки странном его понимании» [5, с. 18], – пишет биограф Л. Н. Гумилёва В. Дёмин.

Далее В. Дёмин цитирует стихотворный монолог Чингисхана, ставший толчком для возникновения замысла трагедии, для ее рождения:

«Нет. Счастье, нойоны, неведомо вам,
Но тайну я эту открою.
Врага босиком повести по камням,
Добыв его с долгого боя;
Смотреть, как огонь пробежал по стенам,
Как плачут и мечутся вдовы,
Как жены бросаются к милым мужьям,
Напрасно срывая оковы;
И видеть мужей затуманенный взор
(Их цепь обвивает стальная),
Играя на их дочерей и сестер,
И с жен их одежды срывая.
А после, врагу наступивши на грудь,
В последние вслушаться стоны.

Параллель: «сталинская эпоха» – «порабощение» – прочитывается и в лирике Л. Н. Гумилёва 1930-х гг. Так, в стихотворении «Земля бедна, но тем богаче память» Лев Гумилёв писал:

«Земля бедна, но тем богаче память,
Ей не страшны ни версты, ни года.
Мы древними клянемся именами,
А сами днесь от темного стыда
В глаза смотреть не смеем женам нашим,
Униженный и лицемерный взор
Мы дарим чашам, пьяным винным чашам,
И топим в них и зависть и позор» [4, с. 33].

С. А. Снегов вспоминал, что В Норильске Лев Гумилёв писал поэму «О Джамуге и Борте, его любовнице и жене Темучина, ставшего – после победы над Джамугой – знаменитым девятибунчужным Чингис-ханом» [9, с. 112]. Параллельно политзаключенные, в частности С. А. Снегов и Л. Н. Гумилёв, обсуждали личность Сталина. С. А. Снегов вспоминает, что оба они сочли Сталина по своей политической сути эсером, «ибо

для него личность – решающая сила истории и потому каждое так называемое «объективное обстоятельство» имеет у него фамилию и отчество» [9, с. 113].

Бесспорно, решающей силой истории Сталин, как и любой другой диктатор, считал собственную личность. Интересно, что созданию трагедии о победе ордынского диктатора Темучина над «последним рыцарем Степи» Джамугой сопутствовало обсуждение личности другого диктатора – Сталина.

В трагедии «Смерть князя Джамуги» шаман сулит детям Великой Степи неисчислимые беды, и беды эти несет им «полночный Бог»:

«Шаман

Темнее ночная дорога,
Повита Луна пленой,
И поступь полночного Бога
Я слышу над вашей страной.
Теперь он пройдет от чертога
До маленькой юрты степной.
Темнее ночная дорога
Под сожранной Богом Луной.
Тревога! Тревога! Тревога!!!
Он скрыт, а добыча видна!
Как петля, ночная дорога!
Как лань под арканом – страна!» [4, с. 120].

Полночный бог – значит, северный. Сталина многие сравнивали с языческим богом Смерти. Но здесь Лев Николаевич Гумилёв говорит о большем: о трагедии целой эпохи, целого народа, утратившего связь с Космосом и вобравшего в себя Хаос. Луна съедена, ночная дорога уподобилась петле, а страна – лани под арканом. Здесь Лев Николаевич вторит своему великому отцу, Николаю Степановичу Гумилёву, писавшему в поэме «Звездный ужас»: «Горе, горе! Страх, петля и яма / Для того, кто на земле родился» [3, с. 108].

В то же время Великая Петля – это древний хуннский символ. Великой Петлей кочевой народ хунну называл землю своих предков. В «Смерти князя Джамуги» символ петли противоположен символике «узла жизни» («креста с петлей», «коптского креста», символизирующего вечную жизнь). В данном случае речь идет о символике смерти, порабощения, гибели.

Предсказания Шамана перекликаются с пророчествами девы Гильды из неопубликованных вариантов драматической поэмы Н. С. Гумилёва «Гондлы». И Гильда, и Лаик (именно «вечерняя» Лаик, а не «дневная» Лера) видят страшные сцены пробуждения звериного начала в человеке

и умирания, исчезновения начала духовного, приближающего человека к вечности. Лаик восклицает: «Красной кровью наполнены чаши, / Что-то варится в медных котлах... / Унеси меня к родине нашей / На своих лебединых крылах» [3, с. 129].

Пророчица Гильда в одном из неопубликованных вариантов «Гондлы» говорит:

«Тише. В черной постели
Не шевелится месяц,
Сколько сосен и елей,
С только к месяцу лестниц,
Мертвый вопит, натужаясь,
Захлебнулся он кровью,
Ухмыляется ужас,
Наклоняясь к изголовью.
Тропы узки и колки,
Едки ветры лесные,
и являются волки,
Не простые, другие,

Тише. В черной постели
Не шевелится месяц,
Сколько сосен и елей
С только к месяцу лестниц» [3, с. 330].

«Не шевелится месяц», «луна повита темной пеленой», «луна сожрана» – все эти образы из «Гондлы» и «Смерти князя Джамуги» говорят о временном торжестве хаоса и тьмы над космосом и светом. В то же время читатель понимает, что это торжество не вечно.

Трагедия «Смерть князя Джамуги» – не единственное драматургическое произведение, сочиненное Л.Н. Гумилёвым в Норильске. В норильском лагере была также сочинена фантазмагорическая сказка «Посещение Асмодея», которую Лев Николаевич долго держал в памяти и только в 1980-х гг. записал. Как и «Смерть князя Джамуги», «Посещение Асмодея» заслуживает отдельного, глубокого литературоведческого исследования.

Список литературы:

1. Ахматова А. Собрание сочинений в двух томах. М.: Правда, 1990.
2. Беляков С. Гумилёв сын Гумилёва: [биография Льва Гумилёва]. М.: АСТ, 2014.
3. Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, 1997-2008.
4. Гумилёв Л. Н. Дар слов мне был обещан от природы: Лит. наследие. Стихи. Драм. Переводы. Проза: [полн. собр. художеств. твор. наследия] / Л.Н. Гумилёв; Мемориал. музей-квартира Л. Н. Гумилёва, Фил. музея Анны Ахматовой в Ленинграде. – СПб.: Росток, 2004 (ППП Тип. Наука). – 622, [1] с.; 21 см. – (Серия «Неизвестный XX век» / Норил. никель, Заполяр. фил. Б-ка ОАО ГМК «Норил. Никель»).
5. Дёмин В. Н. Лев Гумилёв. М.: Молодая гвардия, 2007.
6. Живя в чужих словах. Воспоминания о Л. Н. Гумилёве. Санкт-Петербург: Росток, 2006.
7. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Кн. I-IV. М., 1998. Кн. I, Т. IV.
8. Клюев Н. А. Сердце единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 1999. С. 544.
9. Снегов С. А. Дуэль // Живя в чужих словах. Воспоминания о Л. Н. Гумилёве. Санкт-Петербург: Росток, 2006. С. 112.

«ОРДИНСЬКИЙ МІФ» В ТРАГЕДІЇ Л. М. ГУМІЛЬОВА «СМЕРТЬ КНЯЗЯ ДЖАМУГІ»

Задум «великої трагедії про Чингісхана» відноситься до часу перебування Л. М. Гумільова в Нориль-лазі (1941 р.) Трагедія в п'яти актах називалася «Смерть князя Джамуги» і присвячувалася протиборству древньої степової вольності, яку втілює князь Джамуга (Джамуха), побратим Чингісхана, і жорсткої, безжалісної, тиранічної влади, живим символом якої був Темучин (Чингісхан). Це поєдинок «останнього лицаря Великого Степу» і тирана, диктатора. Натяки на сталінську епоху прочитували в цьому тексті практично всі біографи Л. М. Гумільова (і С. Б. Лавров, і В. Н. Дьомін та інші).

Ключові слова: драматургія Л. М. Гумільова, трагедія про Чингісхана, образно-символічні ряди.

“HORDE-ERA MYTH” IN THE TRAGEDY BY L. N. GUMILEV “THE DEATH OF PRINCE JAMUKHA”

The idea of “a great tragedy about Genghis Khan” refers to the time of L. N. Gumilev’s stay in Norillag (1941). The tragedy in five acts was called “The Death of Prince Jamukha” and was dedicated to the confrontation of ancient steppe liberties, personified by Prince Jamuga (Jamukha), the sworn brother of Genghis Khan, and a tough, ruthless, tyrannical power whose living symbol was Temüjin (Genghis Khan). This is a duel between “the last knight of the Great Steppe” and a tyrant, dictator. Almost all the biographers of L. N. Gumilev (S. B. Lavrov, V. N. Demin, and others) read the hints at the Stalin era.

Key words: L. N. Gumilev’s dramaturgy, tragedy about Genghis Khan, figurative-symbolic series.